

РАЗБОРКИ

“Кровавых дел кровавая развязка”

Георгий БЕЗИРГАНИ

Реформаторство — болезнь прилипчивая, как ветрянка. И вот в тот момент, когда, казалось бы, кардинальными реформами охвачены все без исключения сферы, на сцене появляется, как жандарм в филяле “Ревизора”, еще одна — театральная, справив между собой, словно две почтенные веронские семьи, два режиссерских клана.

Впрочем, реформа — громко сказано. Слово это — скорее, дымовая завеса, за которой идет изрядно всех утомившая война за место на подмостках. Служители Мельпомены, не имеющие постоянной прописки и крыши, стараются их заполучить. Имеющие плохонькую — не прочь улучшить жилищные условия. Из-за чего, собственно, и ведут “междоусобные бои и не хотят унять кровопролития”.

Конечно, актерско-режиссерский хлеб в Грузии нынче горек. Кто спорит? Британский посол, помню, удивлялся в одном из интервью тому факту, что вечерние спектакли в Тбилиси начинаются так рано — в три или четыре часа дня. Думаю, соотечественнику Шекспира следовало бы удивиться другому. Тому, что спектакли играют вопреки всему. На холодной сцене и в лучах рампы, которая может погаснуть в любую минуту, на фоне обветшалых декораций и в костюмах, расползающихся по швам от старости. Но главное, актерами, получающими в месяц гораздо меньше, чем лондонский сборщик мусора в час.

Но вот подоспевает театральная реформа, и к прежним заботам добавляются новые. Неприкасаемых три академических театра: имени Руставели, имени Марджанишвили и оперный, взятые на государственное довольствие, остаются в стороне, над схваткой. А вот отданные на откуп муниципальным органам попадают из огня да в полымя. Это Театр имени Ахметели, расположенный на окраине Тбилиси в одном из рабочих районов, театр “Метехи”, не имеющий своей жилплощади, так называемый городской театр, ютящийся в полуразрушенном здании и тоже на окраине, и два русских: имени Грибоедова и Тютя. Последние — владельцы двух добротных особняков, расположенных в самых престижных уголках города. И, думаю, из-за этих самых зданий и разгорелась вся театральная-реформенная канитель. А декларируется она так: только объединив творческие силы, материальные и финансовые возможности, мы сумеем выстоять, возьмемся за руки, друзья. На практике объединение усилий мыслится так: тюзовцы переселяются к грибоедовцам или наоборот, а высвобожденное здание получают три грузинских театра — имени

Ахметели, “Метехи” и городской. Остальные высвобожденные площади также, видимо, пустовать не будут, хозяева отыщутся. Сейчас ведь мода не столько на театры, сколько на ночные клубы и казино. И все бы хорошо, если бы не целый частокол “но”.

“Но” первое. Несмотря на заверения реформаторов, что каждая труппа сохранит свою суверенность и индивидуальность, тбилисский зритель получает вместо 5 театров 2 — один русский и один грузинский. “Но” второе. Жители отдаленных от центра районов лишаются театральных коллективов. И, наконец, “но” третье. Часть актерско-режиссерского состава, равно как и технического персонала, рискует остаться за стенами укрупненных театров.

Главным во всей этой реформенной вакханалии является, без сомнения, “русский вопрос”: кому терять лицо? Грибоедовцам, отметившим в минувшем

году 150-й сезон, или тюзовцам, плодотворно работающим с начала 20-х и немало гордящимся тем, что их театр — первый детский театр в Закавказье. И в одном, и в другом случае потеря для русскоязычного зрителя будет невозможной. Каждому, хоть немного знакомому с чеховской теорией ружья, висящего на сцене, ясно, что подобная затея добром закончиться не могла. Она и не кончилась добром. На последнем, самом бурном заседании президиума Союза театральных деятелей Грузии, обсуждавшем этот больной вопрос, пролилась кровь. Главный режиссер Театра имени Ахметели Нукри Кантария, глубоко убежденный, что только в единстве сила, в пылу полемики пырнул ножом члена лиги режиссеров Автандила Варсимашвили, твердо уверенного, что объединение равнозначно ликвидации. Рана могла оказаться смертельной. К счастью, пострадавшему своевременно была сделана операция, и его жизнь вне опасности. Против рыцаря плаща и кинжала возбуждено уголовное дело. Шекспир комментировал бы это событие так: “кровавых дел кровавая развязка”. Кровь действительно пролилась, но до развязки пока далеко.